УДК 82.091

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ
О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ**

© Т. В. Демидович

*Волгоградский государственный медицинский университет
Россия, 400131 г. Волгоград, пл. Павших борцов, 1.*

Тел.: +7 (988) 496 67 83.

Email: demidovicht@mail.ru

Тема Великой Отечественной войны была и остается значимой для отечественной литературы. В современных читателях представление о воинах, погибших на фронтах за Родину и победивших в жестоких боях, о живущей в наших сердцах и все не проходящей боли утрат, поддерживают произведения В. Гроссмана, К. Симонова, М. Шолохова, Ю. Бондарева, В. Некрасова, В. Астафьева, А. Твардовского и других авторов, писавших о войне. Одним из дискуссионных вопросов на протяжении многих лет является вопрос: можно ли написать хорошую книгу о войне, не побывав на «переднем крае»? Г. Владимов не был участником Великой Отечественной, но воспринимал войну как «личное» дело. «Генерал и его армия» – последнее крупное произведение художника, в судьбе которого была «военная» веха. Из многочисленных текстов-источников автор создал свой мир, в котором на каждом шагу угадываются произведения отечественной и зарубежной литературы.

Ключевые слова: литературная традиция, Великая Отечественная война, Г. Владимов «Генерал и его армия», Л. Н. Толстой «Война и мир».

Современные литературные произведения следуют традициям классической литературы. Если под «литературной традицией» понимать «овладение литературным наследием во имя его обогащения и решения вновь возникающих художественных задач» [9, с. 1089], учитывая при этом, что «отдельные грани фонда преемственности преломляются в самих произведениях, прямо или косвенно в них присутствуя» [9, с. 1089], то о романе Г. Владимова можно сказать следующее: в нем нашли «отголоски» многие произведения как отечественной, так и зарубежной классики.

В свое время острую полемику в критике вызвал метод, используемый Владимовым в «Генерале и его армии». Сам писатель говорил, что его метод «никак не помешал, а скорее помог роману снискать интерес читателя. Это все тот же добрый старый реализм <...> все уходы от которого кончаются покаянным возвращением к нему» [2, с. 440–441]. Далеко не все критики и исследователи творчества писателя согласны с этим. Многие считают, что Владимов написал постмодернистскую книгу. Отчасти это верно. Хотя бы потому, что «взгляд и слово романного повествователя в „Генерале и его армии“ нетрадиционно личностны для реалистического романа на историческую тему» [8, т. 2, с. 536]. Стоит согласиться с мнением критика И. Сухих, который определяет метод Г. Владимова как «пусть и не старый добрый, а новый – реализм! Владимов расставляет на литературной доске знакомые фигуры, чтобы сыграть собственную партию. Из многочисленных текстов-источников он создает завершенный мир – с прописанными характерами и обстоятельствами, психологической нюансировкой и богатой повествовательной партитурой, точностью деталей и вырас-

тающей из них символикой – „все по рецептам старика Гомера“, в теплой тени старика Толстого» [17, с. 221]. Можно сказать, что Владимов смотрит на войну «не просто издалека», но «из другого измерения», а порой из «книжного шкафа», переосмысливая «старую» военную прозу и используя ее как материал, который органично вошел в авторское сознание.

Критик Н. Иванова отметила в произведении Владимова подсознательное (или нет?) присутствие фольклора: Майя, жена Кобрисова – царевна, Шестериков – Иван-дурак (волшебный помощник), тема выбора дороги – «направо пойдешь...» (Перемерки) и неременная смерть – условие, необходимое для воскрешения [5]. Также она обратила внимание на присутствие сказочного числа «3» в романе: «никакой религиозности, бога с прописной буквы и так далее мы здесь не обнаружим; но христианством теплым, скрытым, истинным, как та самая „теплота патриотизма“, о которой говорил Толстой, пронизан весь роман, вся его символика и даже – быт» [5, с. 190].

И. Сухих были подмечены «отголоски» из древнерусской литературы – «Слова о полку Игореве». На вопрос бригадного комиссара Кирноса, отступает или наступает генерал Кобрисов, последний отвечает: «Сам не знаю <...> Иду на восток, в Россию. Хочу, понимаешь ли, концом копья Волгу потрогать. Говорят, часовенка там поставлена, где она вытекает из родничка. Там я посижу, подумаю – и скажу тебе, жива ли Россия или уже нет ее» [1, с. 354]. Последний диалог генерала с самим собой на пороге небытия – продолжение той же самой думы: «Если мы умерли так, как мы умерли, значит, с нашей родиной ничего не поделаешь, ни хорошего, ни плохого». – «И значит, мы

ничего своей смертью не изменили в ней?» – спрашивал другой голос. «Ничего мы не изменили, но изменились сами». А другой голос возражал: «Мы не изменились, мы умерли. Это все, что мы могли сделать для родины. И успокойся на этом». – «Одни умерли для того, чтобы изменились другие». – «Пожалуй, это случилось. Они изменились. Но не слишком капитально...» – «А со мной, со мной что произошло?» – «А разве ты не знаешь? Ты умер». – «Но я, – спросил он, – по крайней мере, умер счастливым человеком?» [1, с. 459]. По замечанию критика, «в этом „изменились не слишком капитально“ слышится интонация Булгакова, скептической реплики Воланда о современных москвичах, которые не очень изменились по сравнению с прежними» [17, с. 229], а начало романа настроено на гоголевский камертон: «Новая птица-тройка – иноземная машина, „колесница нашей Победы“ с настоящим героем, который преодолевает тягучую российскую версту и всю дорогу бьется над тем же самым вечным вопросом: „Русь! Куда ж несешься ты?“» [17, с. 229].

Многими критиками (И. Сухих, Н. Иванова и др.) была отмечена в романе пушкинская линия: Савельич («Капитанская дочка») – Шестериков, верные спутники, проявляющие свою беспримерную отеческую заботу. Метель в романе также указывает на пушкинскую линию.

Но в одном критики единодушны: все отмечают связь «Генерала и его армии» Г. Владимова с романом Л. Н. Толстого «Война и мир». Эта связь прослеживается не только через словесно-художественные средства, не только с помощью прямого цитирования и использования некоторых стилизованных приемов Л. Н. Толстого, но через самый «дух» владимовского романа, вышедшего, как и вся проза о Великой Отечественной войне, из «военной» прозы великого художника XIX в.

Следуя традициям русского реализма, а более всего опираясь на роман Л. Н. Толстого «Война и мир», Г. Владимов стремится сказать свое слово о войне с фашистской Германией. Он ведет читателя к размышлению о горькой правде Великой Отечественной войны, о беззаветном патриотизме русских людей; заполняет в нашей отечественной прозе «пробелы» там, где речь идет не о «лейтенантской» и «окопной», а о «генеральской» правде. И здесь тоже традиция Толстого: «Герой же моей повести, которого я люблю всеми силами души, которого старался воспроизвести во всей красоте его и который всегда был, есть и будет прекрасен, – правда» [19, с. 56].

Связь с эпосом Л. Н. Толстого помогает не только рассмотреть роман «Генерал и его армия» в русле традиций русской классики, но и лучше понять позицию современного автора. Причем влияние Л. Толстого проявляется на всех уровнях текста писателя и сказывается на всей повествовательной ткани произведения. Основное воплощение кон-

цепции выражается через организацию повествования, которое формирует представление о системе персонажей, передающей основную идею произведения и определяющей те традиции, на которые ориентируется писатель. По словам А. Солженицына, этого уже хватило бы для того, «чтобы роман Владимова навсегда остался отмечен в русской литературе» [15, с. 145–146].

Уже в названии романа Владимова можно увидеть влияние классика: «и» и разъединяет, и связывает основные понятия, напоминая об уроках толстовского романа «Война и мир». «Война» и «мир» – два основных состояния общества, которые приобрели у Толстого универсальный смысл. Владимов тоже рассматривает понятие «война» не только как одни военные действия. Это вообще – вражда, непонимание. Как война существует не только на войне, так и мир – это не только жизнь людей, не находящихся в состоянии войны. Мир – это весь народ, одушевленный единым чувством боли за поруганное Отечество, это братство людей, это сама жизнь. Л. Толстой называл это состояние «мира» на войне повседневностью драматических испытаний и драматизмом военной повседневности, раскрывая внутренние связи между обыкновенным и исключительным. «Обыкновенное» особенно отчетливо проявляется в поведении людей, для которых тяжелые военные условия стали привычными. Однако, это повседневное, будничное вовсе не отделено от трагического и возвышенного. Для Толстого «героика и повседневное, обыденное не противостояли одно другому, он ставил своей целью в обыкновенном раскрыть величественное, в героическом – простое, человеческое» [23, с. 40]. Внимание Владимова также привлекают к себе будни войны, ее неприкрашенный облик. Будни генерала Кобрисова, его жизнь и мир – это его Тридцать восьмая армия, его люди, народ, потеря которого означает для него потерю всего. Для людей его армии тяжелые военные условия также стали привычными, также накладывают свой отпечаток на весь их облик. На рассвете, перед форсированием Днепра, Кобрисов обходит свои войска: «Разумеется, он не ждал увидеть эскадрон в строю, со знаменем и вздетыми „подвысь“ клинками, но все же подивился открывшейся ему картине» [1, с. 189], вернее, тому спокойствию, с которым бойцы ожидают опаснейшей операции по форсированию реки: «Ну как, отживающая боевая сила? – спросил генерал, опережая доклад комэска. – Ясен тебе твой крестный путь? Переправочных средств на тебя не хватило, самим придется плыть. – Плыть так плыть, товарищ командующий, – отвечал комэск с шутливой покорностью судьбе. – Дело привычное» [1, с. 190].

Изображая войну, и Л. Толстой, и Г. Владимов решительно отказываются от батальной «живописности», рисуя ее не в «правильном», красивом и блестящем строе победителей, с музыкой, с развевающимися знаменами и «гарцующими» генерала-

ми, а в настоящем ее выражении – в страданиях, в смерти. Неприятие «парадного» изображения военных событий, внешней эффектности ясно проявляется в «военных» произведениях этих писателей, приобретая характер последовательно осуществленного творческого принципа. Тема испытаний человека в трудных обстоятельствах, тема мужества получили свое живое освещение уже через названия романов «Война и мир» и «Генерал и его армия».

Что касается системы персонажей, то основным творческим принципом при ее создании для Г. Владимова стал принцип «человеческого» содержания исторических событий Л. Толстого. Все его герои – прежде всего люди со всеми присущими им человеческими качествами: достоинствами и недостатками. Для обоих писателей главным мерилом качеств личности является патриотизм, который, несмотря на то, что все персонажи (реальные и вымышленные) обладают своими человеческими чертами, остается важнейшим качеством человека.

Именно чувство патриотизма отделяет генерала Кобрисова, главного героя романа «Генерал и его армия», от других командующих, описываемых Владимовым. Ему посвящена большая часть романа, все ведущие темы и проблемы произведения рассматриваются непосредственно через этот образ. Сколько бы не пережил этот герой (а через ретроспективные главы романа читатель узнает и о вербовке органами «Смерш» ближайшего окружения генерала, и об аресте в сорок первом, и об отстранении от командования Тридцать восьмой армией), мысли Кобрисова – о России, о многострадальной родине и дорого доставшихся победах, о честности и амбициях его соратников-командармов, о расколе в обществе, о прежде неизвестных страницах войны, связанных с трагедией РОА. В моменты подобных размышлений главный герой как никто другой близок автору, приглашающему современного читателя к разговору, диалогу, полемике во имя восстановления правды.

Лучшие черты своего героя Владимов «подсвечивает» толстовским «светом». На создание образа Кобрисова, несомненно, влияет образ толстовского Кутузова, полководца, в котором воплощены народная мудрость и народные чувства. Их объединяет опыт, проницательность, близость к народу, любовь к родной земле. В этих образах присутствует большая внутренняя сила, простота и естественность поведения, отсутствие чего-либо показного, целеустремленность и мужественность. Кобрисов, как и Кутузов, – русский генерал. Он предан своей Родине, служит интересам России. Он руководствуется одним принципом – сбережением русского народа: «Считаю главным долгом – сохранение армии» [1, с. 344]. Он один прикован в романе к вопросу о цене победы, за которую надо «заплатить Россией», и противостоит командующим, не знающим слова «жалко», использующим так назы-

ваемую «четырёхслойную тактику». Кобрисов воюет не числом, а умением, до конца сберегая свой народ, свою армию. Отсюда вытекает важный в романе вопрос о праве распоряжаться чужими жизнями: выигрывают те командующие, которые готовы оплачивать свои интересы чужой кровью. Но, в отличие от Л. Толстого, считающего, что волевые решения командующего армией на ход сражения не влияют, Владимов в своем романе утверждает, что ведение войны – искусство. Полководцу нужны интуиция, умение прогнозировать свои действия, талант, решительность и осознание своей роли.

Второстепенные персонажи у Владимова тоже созданы с мыслью о романе «Война и мир». Владимовский майор Донской интересен автору своим желанием быть похожим на князя Андрея Болконского, постоянное самосравнение с которым становится у адъютанта навязчивой потребностью. А Шестериков в «Генерале и его армии» напоминает таких толстовских персонажей, как Тушин, Тимохин, Платон Каратаев. Спокойное мужество, лишенное крикливости, скромность и простота при непритязательной внешности – вот отличительные черты их характеров. Но именно они совершают подлинно смелые, героические поступки. Для них подвиг – норма жизни. Ординарец Шестериков близок генералу Кобрисову и особенно интересен автору. Его фамилия происходит от русского слова «шестерик». Сам Владимов об этом пишет: «Загляните в словарь – это куль с весом в 6 пудов, это запряжка лошадей в три пары цугом... в прошлые войны так возили тяжелые орудия. Если поискать символику, так она – в шестижильности персонажа, в способности к разного вида трудам, к перенесению тягот» [4, с. 74]. В этом герое объединены многие лучшие качества русского человека: смелость и жертвенность, умение достойно жить в самых трудных обстоятельствах, трудолюбие и преданность делу, житейская мудрость.

О близости традиций Л. Н. Толстого свидетельствуют реминисценции и аллюзии в «Генерале и его армии», напоминающие о романе «Война и мир». Они заставляют видеть в лихом геройстве Галагана поступки толстовского Денисова, в беззаветной преданности интересам мужа у Марии, жены Кобрисова, – подчинение своих интересов интересам Пьера у Наташи Ростовой. Образ этой толстовской героини: «Черноглазая, с большим ртом, некрасивая, но живая <...> с своими детскими открытыми плечиками» [20, с. 47] вызван в памяти читателя описанием любимой Кобрисовым медсестры: «Ее лицо, не столь и красивое, было прекрасно своим выражением непритворной заботы <...> эта темно-русая, темноглазая девушка, юница, с большим и по-детски припухлым ртом» [1, с. 174].

Любимые владимовские персонажи безошибочно маркируются толстовским текстом. Само произведение Л. Толстого не раз становится, условно говоря, героем «Генерала и его армии».

«Таскает» «Войну и мир» по своим фронтовым путям Донской, думая о своем «Тулоне». Читает эпопею в Ясной поляне немецкий генерал, рассуждая о «графинечке» Наташе Ростовой, оставившей в разоряемой Москве приданое ради подвоя с ранеными: «Вот что было любопытно: этот поступок сумасбродной „графинечки“ предвидел ли старик Кутузов, когда соглашался принять сражение при Бородине? Предвидел ли безропотное оставление русскими Москвы, партизанские рейды Платова и Давыдова, инициативу старости Василицы, возглавившей отряд крепостных? Если так, то Бонапарт проиграл, еще и не начав сражения» [1, с. 102], ведь «в резерве Кутузова оставались главные русские преимущества – гигантские пространства России, способность ее народа безропотно – и без жалости – пожертвовать всем, не посчитаться ни с каким количеством жизней. И что же, он, Гудериан, этого не предвидел? Где же теперь искать его Бородину?» [1, с. 102–103]. Рассуждение о нашей боли, о наших ранах провинциального орловского батюшки, обращенного к немецкому генералу, чувствующему себя освободителем русского народа от ига коммунизма: «Но это наша боль, наша и ничья другая. Вы же перстами своими трогаете чужие раны и спрашиваете: «Отчего это болит? Как смеет болеть?»» [1, с. 107]. В словах этого батюшки звучит та «скрытая теплота» настоящего русского патриотизма, которую так ценил Л. Н. Толстой.

Нельзя забывать о том, что свой роман прозаик дописывал не в России. Возможно, это повлияло на то, что Владимов следует традициям не только русских художников, но и зарубежных, например, В. Шекспира. В компоненте заголовочного комплекса (эпиграфе) писатель сознательно берет отрывок монолога генерала Отелло «Простите вы, пернатые войска...» из трагедии Шекспира, обозначая этим главный мотив романа – мотив вины выживших перед павшими – и добавляя в описание образа главного героя генерала Кобрисова оттенок трагичности. Обращением к великому художнику Г. Владимов пытается вписать войну в контекст не мировой истории, но мировой культуры. Это предположение подтверждается появлением на страницах романа и великого гуманиста Франсуа Мари Аруэ, да и сам владимовский Кобрисов в чем-то «вольтерьянец»: «Я под расстрел пойду, но этого не сделаю» [1, с. 286], – говорит Кобрисов Пуртову о нежелании брать Мырятин. В свободное время Кобрисов читает вольтеровского «Кандида» (в этом тоже традиция Л. Толстого: Кутузов читает роман мадам Жанлис «Les chevaliers du Cyné»). Вся жизнь генерала напоминает несчастные странствия Кандида, в изображении которых звучит горькая ирония как ответ на философию, которую проповедует учитель Панглос: «Все к лучшему в этом лучшем из миров» [4, с. 159].

В романе «Генерал и его армия» Г. Владимов опирается на традиции как русской литературы: устного народного творчества, «Слова о полку Игореве», А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. А. Булгакова, Л. Н. Толстого, – так и зарубежной: В. Шекспира, Вольтера. При этом кроме совпадения отдельных элементов повествовательной структуры текста, типов персонажей автор сохраняет приверженность родству авторских позиций, моральным ценностям классической литературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Владимов Г. Н. Генерал и его армия. Верный Руслан. М.: Эксмо, 2007. 608 с.
2. Владимов Г. Собр. соч.: в 4-х тт. М.: АОЗТ «NFQ / 2 Print», 1998. Т. 4: Литературная критика и публицистика. 462 с.
3. Владимов Г. Когда я массировал компетенцию // Книжное обозрение. 1996. №12. С. 58–80.
4. Вольтер Кандид, или Оптимизм / Философские повести: пер. с фр. М.: Правда, 1985. 576 с., 4 л.
5. Иванова Н. Дым отечества // Знамя. 1994. №7. С. 183–193.
6. Кардин В. Страсти и пристрастия: К спорам о романе Г. Владимова «Генерал и его армия» // Знамя. 1995. №9. С. 199–210.
7. Коган А. Поражение и победа генерала Кобрисова // Литературное обозрение. 1995. №3. С. 98–101.
8. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е гг.: в 2-х тт. М.: изд. центр «Академия», 2003.
9. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. Институт науч. информации по обществ. наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2003. 1600 стб.
10. Немзер А. Одолевая туман // Звезда. 1995. №5. С. 184–188.
11. Нехорошев М. Генерала играет свита // Знамя. 1995. №9. С. 211–219.
12. Перевалова С. В. Проблема автора в русской литературе 1970–1980-х гг.: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 1998. 44 с.
13. Радбиль Т. Б. О концепции изучения русского языкового менталитета // Русский язык в школе. 2011. №3. С. 54–60.
14. Рамзаева В. Роман Георгия Владимова «Генерал и его армия» // Литература. Приложение к «Первое сентября». 2005. №15. С. 14–21.
15. Солженицын А. Георгий Владимов – «Генерал и его армия» // Новый мир. 2004. №2. С. 144–151.
16. Соснора В. Литература и война // Знамя. 2000. №5. С. 12.
17. Сухих И. Баллада о добром генерале // Звезда. 2003. №6. С. 220–230.
18. Сухих И. Русская литература. XIX век // Звезда. 2007. №2. С. 224–234; №3. С. 226–234; №4. С. 224–234.
19. Толстой Л. Н. Севастопольские рассказы. Полное собр. соч. в 90-та тт. Репринтное воспроизведение издания 1928–1958 гг. М.: «ТЕРРА»–«TERRA», 1992. Т. 4. 449 (3) с.
20. Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 1. Полное собр. соч. в 90-та тт. Репринтное воспроизведение издания 1928–1958 гг. М.: «ТЕРРА»–«TERRA», 1992. Т. 9. 515 (2) с.
21. Толстой Л. Н. в русской критике. Сб. ст. М.: Сов. Россия, 1978. 253 с.
22. Трунцева Т. Н. Научиться жить // Литература в школе. 2006. №10. С. 21–24.
23. Храпченко М. Б. Лев Толстой как художник. Изд. 4-е. М.: Художественная литература, 1978. 578 (5) с.
24. Цимбаева Е. Исторический контекст в художественном образе // Вопросы литературы. 2004. №5. С. 175–215.
25. Шагалов А. Уроки мужества (По страницам современной прозы о войне) // Литература и современность. Сб. 22–23. Статьи о литературе 1984–1985 гг. / редкол.: А. Бочаров, В. Гусев, Ф. Кузнецов и др.; сост. И. Скачков. М.: Художественная литература, 1986. С. 479–513.

Поступила в редакцию 25.04.2019 г.

LITERARY TRADITIONS IN THE MODERN PROSE ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

© T. V. Demidovich

*Volgograd State Medical University
1 Pavshikh Boitsov Square, 400131 Volgograd, Russia.*

Phone: +7 (988) 496 67 83.

Email: demidovicht@mail.ru

The theme of the Great Patriotic War was and remains very important for Russian literature. For modern readers the images of those who fell at the front and were victorious in hard battles, the pain of loss still living in our hearts are supported by the works of V. Grossman, K. Simonov, M. Sholokhov, Yu. Bondarev, V. Nekrasov, V. Astafiev, A. Tvardovsky, and other authors who wrote about the great Patriotic war. One of the controversial issues for many years is the question: is it possible to write a good book about the war without visiting the front line? There is no definite answer. G. Vladimov was not a member of the Great Patriotic War, but perceived the war as a “personal” matter. “The General and His Army” is the last major work of the writer, whose fate had “the War” milestone. From numerous texts-sources, the author creates his own world, in which at every step the works of domestic and foreign literature are guessed. We can say that Vladimov looks at the war “not just from afar”, but “from another dimension”, and sometimes from the “bookcase”. He rethought the “old” military prose and used it as a material that organically entered the author’s consciousness. Literary tradition of L. N. Tolstoy, the author of the great novel “War and Peace” is especially strong in the novel. Connection with the epic of L. Tolstoy helps to consider the novel “the General and His Army” in line with the traditions of Russian classics, to better understand the position of the modern author.

Keywords: literary tradition, the Great Patriotic War, G. Vladimov, the General and His Army, L. N. Tolstoy, War and Peace.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Vladimov G. N. General i ego armiya. Vernyi Ruslan [The general and his army. Faithful Ruslan]. Moscow: Eksmo, 2007.
2. Vladimov G. Sobr. soch.: v 4-kh tt. [Collected works: in 4 volumes]. Moscow: NFQ / 2 Print, 1998. Vol. 4: Literaturnaya kritika i publitsistika.
3. Vladimov G. Knizhnoe obozrenie. 1996. No. 12. Pp. 58–80.
4. Voltaire Kandid, ili Optimizm / Filosofskie povesti: per. s fr. Moscow: Pravda, 1985. 576 pp., 4 l.
5. Ivanova N. Dym otechestva. Znamya. 1994. No. 7. Pp. 183–193.
6. Kardin V. Znamya. 1995. No. 9. Pp. 199–210.
7. Kogan A. Literaturnoe obozrenie. 1995. No. 3. Pp. 98–101.
8. Leiderman N. L. i Lipovetskii M. N. Sovremennaya russkaya literatura: 1950–1990-e gg.: v 2-kh tt. [Modern Russian literature: 1950–1990s: in 2 volumes]. Moscow: izd. tsentr «Akademiya», 2003.
9. Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii [Literary encyclopedia of terms and concepts]. Ed. A. N. Nikolyukina. Institut nauchn. informatsii po obshchestv. naukam RAN. Moscow: NPK «Intelvak», 2003. 1600 stb.
10. Nemzer A. Odolevaya tuman. Zvezda. 1995. No. 5. Pp. 184–188.
11. Nekhoroshev M. Znamya. 1995. No. 9. Pp. 211–219.
12. Perevalova S. V. Problema avtora v russkoi literature 1970–1980-kh gg.: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 1998.
13. Radbil' T. B. Russkii yazyk v shkole. 2011. No. 3. Pp. 54–60.
14. Ramzaeva V. Literatura. Prilozhenie k «Pervoe sentyabrya». 2005. No. 15. Pp. 14–21.
15. Solzhenitsyn A. Novyi mir. 2004. No. 2. Pp. 144–151.
16. Sosnora V. Znamya. 2000. No. 5. Pp. 12.
17. Sukhikh I. Zvezda. 2003. No. 6. Pp. 220–230.
18. Sukhikh I. Zvezda. 2007. No. 2. Pp. 224–234; No. 3. Pp. 226–234; No. 4. Pp. 224–234.
19. Tolstoy L. N. Sevastopol'skie rasskazy. Polnoe sobr. soch. v 90-ta tt. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1928–1958 gg. [Sevastopol stories. Complete works in 90 volumes. Reprint reproduction of the 1928–1958 Ed.]. Moscow: «TERRA»-«TERRA», 1992. Vol. 4.
20. Tolstoy L. N. Voina i mir. Vol. 1. Polnoe sobr. soch. v 90-ta tt. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1928–1958 gg. [War and peace. Vol. 1. Complete works in 90 volumes. Reprint reproduction of the 1928–1958 Ed.]. Moscow: «TERRA»-«TERRA», 1992. Vol. 9.
21. Tolstoy L. N. v russkoi kritike [Tolstoy L. N. in Russian criticism]. Sb. st. Moscow: Sov. Rossiya, 1978.
22. Truntseva T. N. Nauchit'sya zhit'. Literatura v shkole. 2006. No. 10. Pp. 21–24.
23. Khrapchenko M. B. Lev Tolstoi kak khudozhnik. 4 ed. [Leo Tolstoy as an artist. 4th Ed.]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978.
24. Tsimbaeva E. Voprosy literatury. 2004. No. 5. Pp. 175–215.
25. Shagalov A. Literatura i sovremennost'. Sb. 22–23. Stat'i o literature 1984–1985 gg. M: Khudozhestvennaya literatura, 1986. Pp. 479–513.

Received 25.04.2019.